

И.В. ГОНЧАРОВА

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1920-х ГОДАХ

В переломные эпохи на волне политической и культурной трансформации крестьянского мира повседневная жизнь выступает как детектор жизнеспособности реформ. В повседневности остается то, что созвучно имеющимся моделям поведения, ценностному ряду. Повседневность, консервативная по сути, быстро отмечает все наносное и чужеродное, и в этом плане она «глубиннее» событийной истории, она определяет во многом и политическую конъюнктуру. Изучение крестьянской повседневности 1920-х гг. помогает пролить свет на проблемы модернизации, раскрестьянивания деревни¹.

В результате революции, гражданской войны произошло обеднение деревни, натурализация отношений. Деревня была для власти в 1920-е гг. исходным материалом для экспериментов, своеобразной «почвой» для идеологической экспансии, внедрения «нового быта». При этом сельская среда не выступала пассивным объектом преобразований, скорее являлась экспериментальной площадкой, переделывающей и самих преобразователей. Наблюдается сложный культурный диалог: прямое влияние большевиков на деревню и

¹ С развитием историко-антропологического направления стали разрабатываться проблемы российской повседневности после 1917 г. (*Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1930-е гг. // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. СПб., 2003. *Осокина Е.И.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993), в том числе и в локальном ракурсе (*Гатауллина И.А.* Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. Казань, 2007. *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009). Социально-психологический аспект затрагивается в региональных исследованиях Центрального Черноземья. См.: *Загорский П.В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995. *Есиков С.А.* Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.). Тамбов, 2005.

опосредованное влияние деревни на большевиков, адаптация большевистской политики к условиям преобладающей аграрной среды.

В деревнях Черноземного Центра бросались в глаза разорение, и запустение. Казалось, время в забытых богом местах среднерусской равнины повернулось вспять, все резко постарело и осунулось: одинокие курные «черные» хаты, топившиеся без труб, так что дым просачивался сквозь всю соломенную крышу. Окна домов без стекол, заклеенные всякого рода тряпьем, забитые досками или замазанные глиной. Стекла были роскошью и указывали на социальную принадлежность — поповский дом. Множество сгоревших домов и остатки пожарного обоза свидетельствовали о частых пожарах, охватывавших всю округу. Такой увидели Никольскую волость Курской губернии наблюдатели из Москвы в 1923 г.²

Бедность деревенских жителей была обусловлена не только «темным прошлым» дореволюционного и военного времени. Встать на ноги крестьянам не давала и новая налоговая политика. Множественный продналог, пусть и не был очень обременителен, но весьма раздражал своими разнообразными формами, одновременными сроками уплаты, а на местах он усугублялся местным налогоотворчеством, поэтому в отдельных деревнях встречалось до 16 видов различных налогов. Крестьяне роптали не только на налоговую систему, но и высокий уровень цен: «Жить бы хорошо при Советской власти, кабы не драли двух шкур, а то земельку без аренды дали, а за это товарищи продналог берут и за пуд соли три пуда ржи»³. В 1923 г. для покупки 1 пуда чугунного литья или ситцевого платья курскому крестьянину необходимо было продать 15 пудов ржи — воз хлеба. А шерстяной костюм на рынке «тянул» на 3-4 воза хлеба. Орловский крестьянин за пару сапог должен был отдать до 100 пудов ржи, пуд соли приравнивался к 6-7 пудам ржи, пуд керосина — 10, а свита из бобрлика и вовсе была разорением — 200 пудов ржи⁴. Это данные 1923 г., разгара «кризиса цен», в дальнейшем ситуация на рынке несколько выправилась, но большевистская «смычка» с городом продолжала означать для деревни «перекачку» средств и не оставляла шансов крестьянам улучшить свой архаичный быт.

² Яковлев Я. Деревня как она есть. М., 1924. С. 8-9.

³ Там же. С. 68.

⁴ ГАОО. Ф.П-1. Оп. 1. Ед. хр. 717. Л. 6.

Слабую материально-техническую базу и низкий культурный уровень как основные факторы «санитарного пейзажа села» Центрального Черноземья выделяет приват-доцент С. Субботин в 1928 г. в статье в журнале «Хозяйство Центрального Черноземья»⁵. Крестьяне жили в крохотных избах, среднего размера 30 кв.м на семью приблизительно из шести человек, высотой 2-3 метра, включая соломенную крышу (68,2%), которая в неурожайные годы помогала прокормить скот. В 69 случаях из ста в воронежских деревнях встречались однокомнатные избы, в Тамбовской деревне этот показатель возрастал до 80. Более половины изб имели земляной пол, деревянные полы составляли только 46%. При среднероссийской санитарной норме жилищной площади 8 кв.м на человека в этом регионе приходилось не более 5 кв.м, при том, что до половины внутреннего пространства избы занимала русская печь. Оставшийся клочок внутреннего помещения крестьяне часто делили с необходимой живностью — телятами (63,8%), ягнятами (42,5%) или курами (20,5%)⁶.

Убогость жилья дополнялась крайне скудным набором мебели и домашней утвари. На 10 дворов в воронежской деревне приходилось по 12 столов и стульев, 14 скамеек, 3 шкафа и 9 кроватей. Во многих домах люди спали на нарах, на печи, выручали известные с глубокой древности лавки и палаты. 67,8% обследованных крестьян сохраняли еще средневековую традицию спать вместе всей семьей. Совместным было и использование индивидуальной посуды. Иначе как можно было разделить на жителей 10 дворов (более 60 человек) 22 миски, 12 кружек, 63 ложки, 19 стаканов, 13 ножей, 9 вилок, 24 чугунок и 19 ведер? С личной гигиеной у жителей черноземной глубинки, по всей видимости, были серьезные проблемы. Несмотря на традиционное мнение о популярности бани в русских деревнях, здесь ее посещали только 11,1% жителей, половину сельчан признались, что купались только в реке, оставшиеся мылись дома. Неудивительно, что почти у половины населения были обнаружены вши.

Показатели низкого санитарно-гигиенического уровня, вши тем не менее были не самой большой опасностью. На первом месте среди заразных заболеваний стояла малярия (22 случая из 1000) — ре-

⁵ Субботин С. Социально-гигиеническая оценка современного села в Центрально-Черноземной области. 1928. № 2.

⁶ Там же. С. 105-106.

зультат заболоченности территории — и грипп. Смертельную опасность представляли рецидивы сифилиса и туберкулеза, букет социальных болезней дополнялся дизентерией и сибирской язвой. И конечно, на первом месте стоял трудно поддающийся официальной статистике алкоголизм. Только в Воронежской губернии в 1926 г. власти обнаружили около 7 000 «заведений для самогона», командированные в курскую деревню отмечали «самогонные заводы» чуть ли не в каждой избе. Оставляло желать лучшего и питание населения. В скудном рационе крестьян явно не хватало животных жиров, недостаток мяса и приверженность постам приводили к тому, что больше половины годового количества мясной пищи поглощалось крестьянами за 4-6 недель в апреле и декабре. О сбалансированном витаминном и минеральном составе пищи не могло быть и речи.

В неурожайные годы в черноземную деревню возвращался голод. В качестве иллюстрации можно привести пример орловской деревни в 1924 г. Урожайность была меньше обычного в 3-4 раза. Следствием стало резкое падение уровня жизни крестьянства. Отчеты губкома и политические сводки, направленные в ЦК, рисуют картину страшного разорения. Цены на хлеб росли с каждым днем. Население осталось без запасов зерна и питалось суррогатами с примесью картофеля, свеклы, жмыхов, крапивы и т.п. В восьми пораженных недородом волостях Малоархангельского уезда до 80% жителей совершенно не имели хлеба. В наиболее пострадавшем Елецком уезде источником питания служили отбросы Казацкого крахмало-паточного завода. Голоду сопутствовало развитие нищенства, воровства и увеличение смертности. В Ливенском уезде население продавало все, что можно: живой и механический инвентарь, домашнее имущество, озимые посевы на корню. В Дмитровском уезде, по сведениям медицинского пункта, от недоедания заболело до 100 человек в месяц, а смертность возросла на 35%⁷.

«Жизнь у нас подходит к концу. Урожай был плохой; хлеба нет, скотину кормить нечем, безработица страшная, некоторые сидят по целым неделям почти не евши, словом, не жизнь, а каторга, а тут еще продналог тянут, давай, да и кончено», — писал красноармеец

⁷ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1235. Л. 41-43. Отчет Орловского губкома за январь-март 1925 г.

своему товарищу в город⁸. Г.И. Ушаков из Малоархангельского уезда направил письмо в «Крестьянскую газету» (оно не было опубликовано): «Особенно плохо живется сейчас, когда иссякли все суррогаты, какими можно было питаться. Стоящие на хлеб цены 2 руб. 50 коп. — 3 руб. за пуд совершенно не под силу населению из-за безденежья. За бесценок спускаются все вещи, какие только можно продать, кончая тряпьем. Есть много случаев, что крестьянин, взяв в кооперативе плуг для пашни, на другой день вез на базар его ... и продавал за 12-14 рублей только потому, что в кооперативе дают плуг в кредит до осени за 19 рублей. На вырученные деньги покупает 4-5 пудов муки и едет домой, благодаря кооперативу, что этим кредитом он спасен от голодной смерти, не считаясь с тем, что осенью придется свести в уплату за взятый плуг 20-25 пудов хлеба (Разве это не кабала?)». Ушаков описывал, как за получением хлеба в 15-20 фунтов (20 фунтов были месячной нормой в голодном 1920 году) на станцию Змиевка приходили толпы голодающего населения, но всех страждущих удовлетворить было нельзя⁹.

Нищета, сложная эпидемиологическая ситуация, однообразное недостаточное питание, а в неурожаи и систематическое недоедание усугублялись слабым медицинским обслуживанием населения. Минимальным радиусом охвата медицинской помощью населения в тот период в российском масштабе считались 7 кв.км. В тамбовской губернии этот показатель составлял 20 кв. км, в орловской — 18, в целом по области колебания были от 18 до 25 км, более чем в три раза превышая допустимую норму. На амбулаторный участок приходилось в среднем 20 000 сельских жителей, народным Комиссариатом здравоохранения устанавливалась норма больничных коек из расчета 1 койка на 500 человек, в черноземном регионе этот показатель был выше в 4 раза — 1 койка на 1 992 человека. Согласно российским меркам, один врач должен был обслуживать 7000 человек, в орловских селах к услугам одного врача должны были прибегать 21 400 человек, в воронежских — 13 643, в тамбовских — 15 900 и курских — 18 223. Расходы на здравоохранение не были приоритетными статьями бюджета области, средний расход на душу населения составлял в конце 20-х гг. 1руб. 16 коп. Таким образом, не будет

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 462. Л. 16.

преувеличением говорить о практическом отсутствии медицинской помощи на селе в 20-е гг. Следствием этого была высокая смертность, особенно детская: в 1928 г. из 100 родившихся детей умирало 19,4%, т.е. каждый пятый ребенок¹⁰.

Власти считали корнем всех бед не экономическую и технологическую отсталость, архаичные способы производства и выкачивающую средства политику, а аграрную перенаселенность региона и видели выход в переселении и отходничестве. При этом Субботин признавал, что «картина отхода была кошмарная. Шли в поисках работы иногда за десятки и сотни верст пешком, в лучшем случае ютились в товарных вагонах и баржах, долго стояли в пути, питались одним черствым хлебом, взятым из дому, очень часто возвращались с рынков без работы, иногда с работы с очень небольшим запасом денег, но весьма истощенные и подчас награжденные венерической болезнью, которые заносили в свои семьи, в свое село»¹¹. Такой выход оборачивался порочным кругом новых проблем.

Облик деревни представляется беспросветным и в силу низкого образовательного и культурного уровня. «Если у дома нет окон и дверей — значит школа», — писал Я. Яковлев в книге «Деревня как она есть»¹². В одной из таких школ, попавшихся на пути московской комиссии, церковный сторож поместил своих корову и лошадь. Отец Александр сетовал, что некогда хорошая в «церковно-приходское» время школа, после того, как отошла «к этому... как его... народному образованию, опустела она, окна оказались побитыми, двери выставленными, — ну мы ее и взяли под лошадь и корову»¹³. Дети в селе обучались грамоте у жены дьяка, педагогические услуги которой оплачивались крестьянами по полтора пуда ржи в месяц — сумма, «о которой школьной учительнице не мечтать»¹⁴.

Повысить образовательный уровень деревни другими способами было маловероятно: печатные издания сюда проникали крайне редко и скудно. В пяти обследованных селах только один человек получал газету — бывший купец, «имеющий монополию на знание

¹⁰ Субботин С. Указ. соч. С. 110-113.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Яковлев Я. Указ. соч. С. 8.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 97.

мероприятий Советской власти, авторитетное разъяснение ее намерений, декретов и постановлений для крестьян всей волости». Новые издания заметно выросли в цене. До революции кадетское «Современное слово» стоило 45 копеек, цена примерно полпуда ржи. В 1923 г. месячная подписка на «Известия» обходилась крестьянину в 4 пуда ржи, а выпуск «Бедноты» обходился в 25 миллионов рублей. У крестьян преобладали книги религиозного содержания, принадлежащие в основном баптистам, другие грамотные, составляющие исключение, читали «что попадается под руку (если не искиурят)»¹⁵.

Информационный голод в деревне, где радио было доступно в лучшем случае двум-трем ответственным партработникам, чиновники пытались компенсировать самостоятельным «просвещением» в уездах. Правда, губернские центры пресекали «самодеятельность» в идеологической сфере в силу того, что инициатива на местах оборачивалась чаще всего «полнейшим внутренним хаосом». В 1923 г. на заседании пленума Орловского губкома председатель приводил в качестве подобного примера выдержку одной из лекций: «Лектор, член или руководитель ячейки, говорит, что сначала в обществе существовал матриархат, так было долго, много сотен лет, вплоть до тех пор, покуда появился на свет Маркс, и, когда появился Маркс, ему существующий строй не понравился и он завел патриархат»¹⁶. В Елецком уезде «профессионалисты» издали журнал. «Когда мы здесь почитали, — комментировали в Орле, — у нас волосы дыбом стали... один товарищ объясняет международное положение: “Французская буржуазия захватывает сейчас Рурскую область, чтобы погубить германский пролетариат и через германскую территорию войти в территориальное касательство с Советской Россией”». Губком насчитал в журнале около 500 опечаток, не увидел ни одной полезной статьи, а на заявленную в конце журнала претензию «являться культурным убежищем для всех трудящихся всего уезда» ответил: «Вместо того чтобы создавать такое убежище, по нашему мнению, лучше никаких культурных убежищ не создавать»¹⁷. Таким образом, местные партийцы, по большей части выходцы из крестьянства, не могли встать в авангарде просвещения черноземной глу-

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАОО. Ф.П-1. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 12.

бинки. Есть основание доверять комиссии из Москвы, обследовавшей деревню в Курской губернии и определившей носителями идеологической власти в селе местного священника и кулака.

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что в повседневной жизни деревни ничего не изменилось. Повсеместно новые веяния преломлялись о старые традиции. Воздействовать на жизнь деревни советская власть старалась путем усиленной пропаганды, вводя новые праздники и памятные даты. Активно проводимые кампании внедряли в сознание назойливые штампы и лозунги, содержание которых усваивалось подчас весьма своеобразно, и как следствие, образовывался странный коктейль из обрывков разных идей, отрывочных мыслей. Иллюстрацией служит заметка в «Орловской правде» 12 октября 1923 г. о постановлении исполнительной власти Дмитровского уезда: «Президиум уездного исполнительного комитета постановил устраивать базары, приурочивая их к революционным праздникам, а устройство базаров на церковные праздники запретить. Так и нужно: это будет способствовать революционизированию нашего быта»¹⁸. Метаморфозы нэпа — базары революционизируют быт — пример адаптации сознания обывателя к новой идеологии. Впрочем, наслоение новой символики на толщу старых религиозных представлений характерно было и для агентов новой власти. Яковлев излагает разговор с деревенским священником: «С кротким сиянием в глазах рассказал нам отец о том, как у него просили однажды коммунисты ячейку освятить, что некий коммунист читает у него апостола в церкви, что, кроме Красной армии, и “прочие” у него в доме стоят очень часто»¹⁹.

Крестьянская ментальность отторгала элементы нового быта, чуждые ее общинному духу, или же воспринимала символику новой идеологии сквозь призму традиционных религиозных воззрений. Показательны попытки большевиков заменить обряд крещения «октябринами». Корреспондент «Орловской правды» 11 декабря 1924 г. укорял ячейку Малоархангельского уезда за то, что она не удовлетворяет «запросы крестьянства в области нового быта». Крестьянин Хазов решил устроить «октябрины», но ячейка стала процедуру затягивать, после чего он решил: «Ни крестить, ни “октябрить” не бу-

¹⁸ Орловская правда. 12 октября 1923 г. С. 3.

¹⁹ Яковлев Я. Указ. соч. С. 15-16.

ду; родился человек, ну и пускай живет»²⁰. В орловской глубинке замена старых обрядов новыми могла встречать сопротивление: «Один из молодых прошлой осенью попробовал октябрить своего ребенка, так за период от осени до весны грызли все до того, что весною должен был перекрестить своего ребенка, но и тут встретилось затруднение: поп отказывался и лишь перекрестил после того, как парень в ногах у попа повалялся».²¹ Наблюдатели курской деревни отметили характерный для крестьянской психологии момент. Один из опрашиваемых крестьян признался: «А что до пропаганды, то я ее не слушаю; терпеть я ее не могу, а этих, которые пропагандируют... Подсядет и пропагандирует... не знаю, чтобы сделал с ним...». Член комиссии понял, что дело здесь не в новых призывах, а в раздражающей идеологической экспансии. «Что он (крестьянин. — *И.Г.*) понимал под словом пропаганда — не понять было, но сразу чувствовалось, что здесь таится глубокая ненависть зажиточного мужика к тому, что навалило на него из города и расшатывает его исконную, от дедов, сто лет живших, идущую жизнь»²².

Одним из ориентиров будущего было провозглашаемое большевиками понятие «социализм», в котором воплотились все оттенки невиданного ранее стремления к новой жизни на фоне осознания несправедливости существовавшего общественного устройства. В этой вековой мечте слились разноплановые ожидания светлого времени, которые в крестьянской среде облекались в конкретно-материальные формы. В черноземной глубинке, крестьяне, почти изолированные от «большой» политики, если бы не визиты за продналогом и агитация, смутно разбиравшиеся в том, что происходило в центре, тем не менее, как отмечали московские наблюдатели, имели достаточно «точное» представление «на счет суцилизмы». «Сулили нам суцилизацию по всей России, а после сулили суцилизацию губернскую. Потом уездную, тепереча сулят волостную. А мы сумлеваемся. Землемеры за эту “суцилизацию” 20 вагонов хлеба требуют!»²³. Так, понятие «социализм» у крестьян препарировалось в землеустройство, абстракция опосредовалась уровнем житейских

²⁰ Орловская правда. 11 декабря 1924 г. С. 5.

²¹ ГАОО. Ф.П-1. Ед. хр. 1238. Л. 56.

²² Яковлев Я. Указ. соч. С. 27.

²³ Там же. С. 128.

проблем и локализовалась в традиционном вопросе землепользования. Аналогично заземленным было и представление о коммунизме, ассоциирующееся с «коммуной»: «При коммуне нет жен, все общее. Если бы согнать баб в коммуну, то вот была бы чертовщина»²⁴.

Таким образом, на крестьянскую повседневность Центрального Черноземья в 1920-е гг. влияли как традиционные бытовые устои и психологические установки, так и результаты проводимой большевиками аграрной политики, обернувшейся оскудением черноземной деревни, ее обнищанием и натурализацией хозяйственных отношений. Факторами, определяющими деревенскую повседневность, были тяжелые материальные условия как следствие пережитой революции и гражданской войны, архаичные бытовые модели, низкий уровень жизни и общей культуры, неграмотность населения, доставшиеся от дореволюционного прошлого, а также внедрение властью новых ценностей и символики, разрушающих устоявшиеся стереотипы крестьянского мировосприятия. Крестьянская ментальность этого периода представляла собой сложный сплав старых религиозных патриархальных представлений и обрывков новых идей.

²⁴ Там же.